

АННА ГЕРМАНОВА ОСОБЕННОСТИ ПОЧЕРКА

International

Literary

magazine

Анна

ГЕРМАНОВА

ОСОБЕННОСТИ
ПОЧЕРКА

БИБЛИОТЕКА «КРЕЩАТИКА»
ПОЕЗІЯ, ПРОЗА, ПУБЛІЦИСТИКА

ДРУКАРСЬКИЙ ДВІР
ОЛЕГА ФЕДОРОВА

**Анна
ГЕРМАНОВА**

**ОСОБЕННОСТИ
ПОЧЕРКА**

**Друкарський двір
Олега Федорова
Київ, 2024**

УДК 821.161.1'06(430)-1
Г-38

СЕРІЯ «Бібліотека “КРЕЩАТИКА”»
Заснована у 2023 році

Германова А.

Г-38 Особенности почерка / А. Германова — Друкарський двір
Олега Федорова, 2023 — 104 с.

ISBN 978-617-7955-73-2

В настоящую книгу вошли стихи написанные Анной Германовой до 2022 года, а также стихи, написанные во время захватнической войны России против Украины.

УДК 821.161.1'06(430)-1

ISBN 978-617-8252-14-4 (серія БК)
ISBN 978-617-7955-73-2

© Германова А., 2024
© Федоров О.М., видавець, Київ 2024

СТРОЕВОЙ РАСЧЁТ

Повзводно, поротно, на брата, на свата,
налево, направо, на пол-оборота
на первый-второй рассчитайся, ребята,
бегом разберись на двухсотых-трёхсотых,
на каждых десятых, на невиноватых,
на бедных-несчастных, на добрых-хороших,
крестили кувалдой, кормили с лопаты,
лечили на рублик, учили на грошик,
вот этих сломали, вон тех потеряли,
остаток собрали, отправили лесом
под песни про то, как деды воевали,
про вышли к Херсону, а шли на Одессу.
Смогли повторить не совсем симметрично —
гашетка повтора сбоит почему-то.
Хоть Фокса с Горбатым и вынули с кичи,
рвались на Берлин, а накрылись Бахмутом.
Мотай, бортмеханик, назад киноленту,
обратно виднее под пиво с дивана,
кого осеняет в виду Фиолента
косыми крестами Андрей Первозванный.
Сдавай нам, кондуктор, кремлёвские карты,
крути барабан с вертикальной загрузкой,
пошли на шумеров, а вышли в Урарту,
и с тем обнулилась империя русских.

2023

ПЕРЕПРОШИВКА

Не спи, шпана замоскворецкая,
дивись, немытая Россия,
какой в тебя под марш турецкого
вошёл безбашенный мессия!
В счастливом платье поплиновом
прекрасная Россия будущего
разбухла под мостом калиновым
и пятится стозевным чудищем
в пещеры предков, где в обителях
комиссий самых чрезвычайных
бессмертные полки вредителей
разбрасывали семя каиново.
Делам дедов мы не свидетели,
мы не считали рвы расстрельные,
вот так СЛОНа и не заметили
за акварелями Карелии.
Наш код культурно-исторический —
балет, Гагарин, книга Велеса,
Высоцкий в коме наркотической
и Королёв с разбитой челюстью.
Над островами Соловецкими
над Спасской и Никольской башнями
пряят архангелы советские
Макаров, Стечкин да Калашников.
Наш код на фазу закороченный,
к чему ему, да не гребут его
Новочеркасские рабочие
и полигон в посёлке Бутово.

От крайне правых до умеренных
мы в целом Родиной довольные —
пломбир, парады, пионерия,
психушки галоперидольные.
Спроси, кудрявая, у ясеня,
спроси Гайдая и Рязанова,
ВКонтакте или в Одноклассниках,
нам что, кодироваться заново?
Каких матросовых с мартенами
и вспять повёрнутыми реками,
с хренадцатым партийным пленумом
объявим на сегодня скрепами
и, безъязыкие свидетели
России в терминальном градусе,
войдём в грядущие столетия
в ином процессуальном статусе.

2023

ПУЗЫРИ

Держать нельзя бежать
Отбить нельзя бомбить
Налепят запятых
Хоть выноси святых
Попрёт за ратью рать
Мостить собою гать
В боку с дырой герой
Себе могилу рой
Кадилом и болтом
Кувалдой и крестом
Костей в опоры свай
Ещё подсыпь давай
Забрать забрить забить
Забросить и забыть
Внизу на топком дне
Вы все нужны стране
Щебёнкой и песком
Печёнкой и виском
Трамбуются сыны
В трясины невойны
Она пятьсот шестьсот
В один заглот всосёт
И только пузыри
Полезут изнутри
Полопайтесь скорей
Под шелест матерей

Под хлюпанье в пруду
Вот призовут пойду
Всей правды мы не зна
Не всё так однозна

2023

ЗЕРКАЛЬЦЕ

Свет мой, зеркальце моё,
станем ли смотреть,
как над городом поёт,
разрастаясь, смерть,
как в копейку, в белый свет
бьёт по площадям,
как дома, которых нет,
нам в глаза глядят.
Телефон, экран, вода,
зеркальце моё,
через край плывёт беда,
не сдержать её,
наполняет кровью рот,
не дойдя до губ,
чьи-то жизни раздаёт
по ночам ютуб.
Свет ночной, айфон седьмой,
станем ли смотреть:
с понтом в кремль к себе домой
заезжает смерть,
по багровому ковру
зло вползает в зал,
выливается к утру
в орудийный залп.

Свет мой зеркальце, скажи,
долго ль до утра?
Скольким детям завтра жить,
скольким умирать?

2022

ПОМИНАНИЕ

Я научилась вам, беззвучные слова:
Ирпень, Гостомель, Бородянка, Буча.
Немеет мой язык и слух измучен,
а тело брошено в канаве истлевать.
Я дальше не пойду, останусь здесь навек
добычей псов, горелым мясом в танке.
Ирпень, Гостомель, Буча, Бородянка,
ни в вашем воздухе, ни в водах ваших рек,
ни в чёрной пахоте, ни в мареве морей
отрава наших тел не растворима.
Каким бы не маячил Третьим Римом
взошедший на костях Четвёртый рейх, —
в нём нет ни всадников последнего суда,
ни эллина в нём нет, ни печенег.
Здесь только те, что сквозь коросту снега
не видят свежих ям в разбитых городах,
не помнят тысяч трупов обгорелых,
зарытых наспех между двух обстрелов,
и смрада трупного, и смертного стыда.
Мне не уйти от этого огня.
Христа помянешь — помяни Иуду.
Ирпень и Буча, вы теперь повсюду.
Помянут вас — помянут и меня.

2022

БЛАГОВЕСТ

Прощёное проще простого
и пуще пустых номеров
распалось на тело Христово
и слов невесомую кровь.
В огне мы не мерили брода,
и встали Великим постом
на грядках по всем огородам
сосновые вешки крестов.
Гряди к нам, Страстная седмица,
у церкви святы куличи,
где скатертью край плащаницы
из братской могилы торчит.
В Четверг мы — «примите, ядите»,
а в Пятницу — плат на столе.
Кресту предаётся Зиждитель,
а мы предаёмся земле.
К пасхальной взойдём литургии,
взлетим высоко, не вернёшь,
наш благовест — в земли другие,
мы — смертью поправшие ложь.

2022

СВИДЕТЕЛЬ

Персты не вложишь — не поверишь
своим глазам, чужим речам,
следам от римского бича,
открытой ране в подреберье.
Дела и помыслы чисты,
и нет уверенности чище,
когда на свежем пепелище
глядишь, куда вложить персты.
Кругом исписаны листы,
на них — военные потери,
но ты не веришь, нет, не веришь
и ждёшь последней правоты.
Вложи персты себе в гортань
и жди не правоты, а рвоты.
Смотри на трупы тех, кого ты
в листах потерь недосчитал.
Вложи персты в персты в гробу
и жди, в свою же смерть не веря,
когда печать и числа Зверя
проступят у тебя на лбу.

2022

ПРИВИВКА НА КОРЕНЬ

Немного погоди, сынок,
немного погоди,
привитый к сердцу черенок
выходит из груди,
вот замер, отмер и пошёл
отщёлкивать отсчёт —
вершок, вершок да корешок —
надолго ли ещё?
Пока не кончится завод
и не осядет пыль,
ты не услышишь, как зовёт
и тянет лечь ковыль.
Когда уткнёшься головой
в сплетение корней,
к подвою припадёт привой
и схватится верней.
Замрёт и отомрёт стрелок,
сверкнёт огонь в стволе,
пробитым днищем котелок
приладится к земле,
её всей мерой зачерпнёт,
уляжется плотней,
к чему тут спех, к чему тут счёт —
на ней или под ней!
Когда, ветвясь, уйдёшь во тьму
системы корневой —
к чему сжигать, и лгать кому,
и награждать кого,

и кто там перед кем в долгу —
нет ни имён, ни лиц.
Архив сожгут, родным солгут
и наградят убийц.

2021

ШТРИХПУНКТИР

Точка-точка-тире, тамбур-тамбур-вагон,
барабанным пунктиром гремит перегон,
вот бельмо семафора, вот мачты рога,
полустанками крутит и вертит пурга.
В полосу отчуждения вбиты столбы,
обстоятельства времени, места, судьбы
по каким-то своим штрихпунктирным осям,
вот и вся изометрия, или не вся?
Невозможно уснуть и уйти в глубину,
ты глотаешь огни, словно окунь — блесну,
и гадаешь вслепую, где нос, где корма,
за бортом только снегом кипящая тьма,
а в окно проводник мимоходом налил
полстакана чернил, полстакана белил.
За плацкарту без мест рассчитайся сполна,
этот общий вагон — деревянный пенал,
в нём под крышкой катаются карандаши
и грохочет в ушах: «напишу!» «напиши!»,
по штакетнику шпал простучит «не забудь!» —
это пепел прощаний колотится в грудь,
это порох пути где-то в горле першит,
это вьюга летит и метёт во всю ширь,
прошивает тебя штрихпунктирная ось,
обнажая симметрию пятен, полос,
всех отметин родимых, примет родовых,
но не сходство — родство ударяет под дых,

перепутаны знаки, размыты следы,
не напиться железнодорожной воды.
Этот поезд в огне не сгорает, гудит,
белый колокол света несёт впереди,
где-то справа гремит за вокзалом вокзал,
где-то слева щемит, будто ты опоздал
или выпрыгнул сдуру не там и не к тем
и не можешь уйти, всё стоишь в темноте,
словно ловишь летящий над рельсами шум:
«не забудь!» — «напиши!» — «напиши!» — «напишу!»

2021

ОСОБЕННОСТИ ПОЧЕРКА

Особые приметы почерка —
петля на «д», петля на «у».
На полотно и на обочину,
на рыжий гравий и траву
слетают писем треугольники,
мелькают, тают на глазах,
им легче сквозь ушко игольное
пройти, чем в Тулу и Рязань.
Когда завьётся путь верёвочкой,
чего на свете не отдашь
за клоч бумаги упаковочной
и еле видный карандаш.
Плывут особенности почерка,
петля на «у», петля на «д»,
одно письмо дойдёт, а прочие
дождём размочит в лебеде.
И перед тем, как кануть камушком,
исчезнуть в девяти кругах,
сквозь время замаячит тамошним
скользящим почерком рука.
Игла потянет нить суровую,
ещё помедлит на краю,
пока системы поисковые
хотя бы строчку выдают.
Летят особенности почерка,
на «д» — петля, на «у» — петля,
и стынет по лесным урочищам
полян просевшая земля.

2021

ЗВОНОК ДРУГУ

«В нём шинкуют, и квасят, и перчат...»

Пастернак

Шинкуют, и квасят, и перчат,
гвоздики кладут в маринад,
а ты как подхваченный смерчем
из дома ввергаешься в ад,
где крутится жёрнов пудовый,
висит на стене телефон,
вот-вот — и какого-то слова
сурово потребует он.
Прямая погибель — перечить,
но так устаёшь не дышать!
От самоубийственной речи
на миг возликует душа,
взыграет дикарская радость,
и счастье сорваться с резьбы,
и гордость не кланяться ядрам,
не прятать лица от судьбы.
В такую воронку завертит
одним телефонным звонком,
что впору о жизни и смерти
молоть не своим языком
и врать, что ещё не придумал,
из двух выбирая одно:
метаться за мельничным шумом,
молчать за барачной стеной.

Всё кажется — только осмелюсь,
и ту, что глядела сестрой,
узнаешь в этапе на рельсах,
в полшаге от речки второй.
Но, часть избирая благую,
себя проклинаешь стократ,
по-прежнему в доме шинкуют
и что-то кладут в маринад.
Под утро бормочешь в подушку,
казнишься, мол, жив, повезло,
пока тебя медленно душит
звнящее в воздухе зло.

2021

ТАМБОВЩИНА

Оглобли, вздетые молитвенно,
в рассвет врастают. Погляди,
как все колдобины и рытвины,
и вся дорога впереди
не красным и не белым — пламенем
небесно-алым залита,
цвет пенок на варенье мамином
и скарлатины маета,
цвет стёкол в облачных подпалинах,
пасхальных шалей и рубях,
цвет целования прощального,
кровоавой пены на губах.
Меж сосен — солнца поперечины,
рассвета доменная печь.
в таком лесу, насквозь просвеченном,
вольней дышать и легче лечь.
Разматывай портянки бязевые,
ликуй, что лес, а не баржа,
что к двум берёзам не привязывают,
что пули на тебя не жаль.

2021

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЕ ЖАЛОБЫ

«Всё что-то видно впереди
Светло, синё, разнообразно»

Грибоедов

Кто подстелил соломку,
тот упадёт хитро —
провалится с котомкой
в вокзальное нутро,
в разброд длиннот и пауз
меж рельсовых ужей,
где поперёк — пакгауз
на дальнем рубеже.
За тридевять перронов
загонят неспроста
столыпинских вагонов
особенную статью.
Подтягивай покрепче
колени к голове —
кидается на плечи
наш просвещённый век.
Сидельцы, чудь и меря,
на общий свой аршин
отмерят всем по вере
и на помин души.

Ты воскресенья чуду
поверь и не перечь,
таи себе под спудом
едва живую речь.
За кубометры леса
уносит нас лиса
в бездымную завесу
к безвестным полюсам.
Гремит по стогнам праздник,
в дугу составы гнёт,
там всё разнообразней,
светло и так синё!
Там в котловине мрака
незримые пока,
бессрочного барака
бессчётные зэка.

2021

ТКАЧЕСТВО

Все дела и счёты побоку,
не лететь уже нельзя,
о распаханное облако
самолёты тормозят,
воздух рвётся и качается,
выгибается дугой,
под невидимыми пальцами
небосвод сквозит другой.
По краям трещит материя
у пилотов на виду.
Не теснись ты так потерянно,
возликуй, мой скорбный дух!
Все покровы расплетаются
на основу и уток,
ткань не явлена, и таинства
не сподобился никто.
Время мелом не размечено,
не маячат мне пока
перемётов поперечины
в самолётных поплавках.
Пляшут тени веретёнами,
за звеном гудит звено,
вьются нити обрётённые
и утерянные вновь,
камыши заросшей старицы,
суть виссона и холста.

Где-то небо содрогается
как огромный ткацкий стан.
Облаков кудели есть ещё,
растрепались на ветру,
вдоволь пряжи мне на вретище,
на монашество в миру.

2021

ИГРА СО СПИЧКАМИ

Спички есть, немного, но ни одну
не зажечь, не высветить глубину
тьмы неизречённой, подобной той,
в первый день творения над водой.
Тишина входящему, немота
поднялась до глаз, залила до рта,
к темени всё ближе за пядью пядь,
непонятно даже, зачем дышать,
если здесь так тихо и так темно,
что не видно воздуха всё равно.
Мне пора на дно, не теряя сил,
если жернова не перекошил
(где один — небесный, другой — земной)
мой уход и то, что ушло со мной.
Так за камнем камень, за пястью пясть
зев Левиафанов, слепую пасть
миновать на ощупь и ото дна
оттолкнуться вверх, где мерцать должна
в сводах, мне неведомых, в толще вод
память не на вдох, а скорей на вход
в тесное пространство моей тоски,
каменные губы, а в них пески,
на которых яростный пляшет свет,
в нём ни упования, ни скорби нет,
в нём завет от Бога, благая весть —
мало или много, но спички есть.

2021

ПОСЛЕДНЯЯ НА ПОТЬМУ

А кто сказал «последняя»?
На Потьму ли, во тьму —
закрыты эти сведения,
а значит, никому
справляться не положено,
и думать не могли,
хватай тюки рогожные,
за тамбуром беги.
С червонца сдача трёшками,
на Потьму без пяти,
и вам всего хорошего,
счастливого пути.
А вы машите, милые,
сквозь рыжее стекло,
вас центробежной силою
уже поволокло
по стороне наветренной
на энской широте
долгой из геометрии
расчисленных путей
под волнами, под войнами
по лагерному дну
успейте бесконвойными
к вагонному окну.

2020

ВИСОКОСНЫЙ

Весь девятнадцатый молчала,
в двадцатом стала говорить
про то, что на колу мочало,
а в рукаве пырей и сныть,
базар-вокзал, сказал-отрезал,
в стакане лютая бурда,
невыносимым фа-дизем
ломают локти поезда,
стучат суставами и катят,
орехи сыплют из прорех
в какой-то раковой палате,
в какой-то роковой горе,
двадцатый год висит и косит,
не перекосит, не замнёт,
и каждой позвоночной костью,
как лентой, входит в пулемёт,
грохочет по плечам отдача
и вглядывается жерло
в того, кто мчится там и скачет
под холодной високосной мглой,
и перегон гремящий долог,
и бесконечен перелёт,
пока зазубренный осколок
на ощупь сердце не найдёт.

2020

ПЕЩНОЕ ДЕЙСТВО

На исходе срока в любой стране,
с высоты похожей на сад камней,
где последний камень, как ни смотри,
не снаружи светится — изнутри,
стань краеуголен любой стене,
на которой длится театр теней,
мене, мене, текел и упарсин,
взвешен или взыскан — поди спроси,
раз под невесомым плывёт перстом
начертанье истины столь простой,
рассекая стену на свет и тлен,
возвышая голос в любом котле,
распрямя плечи в любой печи...
Говори мне, Господи, не молчи.

2020

ГОЛУБЯТНЯ

«И если в дверь мою ты постучишь...»

Анна Ахматова

Хоть верь, хоть нет, но ничего
не надо от тебя,
добра и лиха ничьего
от ближнего ли, дальнего,
вола его, осла его
и всякого скота его
не надо нам, а голубям
довольно крошек на окне,
тепла в чужих руках,
в безликой неба белизне,
в безбытных облаках,
соломы в солнечных лучах,
воды в колодцах и ключах
по колеям дорог,
дождей из божьих закровов,
а изо всех земных домов —
такой, чтоб в двери постучать
ты никогда не смог.

2020

* * *

А дальше ехать было некуда.
В затылок целилась звезда
И небо накрывало неводом
на дне зацветшего пруда.
Не уезжали, а бежали мы,
тюрьму меняли на суму,
пражанами и парижанами
в окне раскачивали тьму.
Текли вокзалов стыки ржавые,
платформ окурки и лузга,
искрила, испуская ржание,
дороги вольтова дуга,
выкидывали рельсы лезвия,
валились под вагон огни,
а небо к северу прорезала
гусей вольфрамовая нить.
Но, глядя вдаль, ещё не знали мы,
что их закатное звено
бестрепетным холодным пламенем
в последний раз озарено.

2019

* * *

Что за лестница крутая,
рябь страниц по всей судьбе,
переплётов ветхих стая,
лепет горних голубей?
Кто в ночи моей Иаков,
моему ковчегу Ной,
козье стадо в пёстрых знаках,
древних лоций пережной?
Кормщик правнук Ибрагимов,
декабрю крестовый брат,
через питерскую зиму
на халдейский зиккурат,
пролагает тяжкий волок
по январской целине,
по ступеням книжных полок,
дай-ка, просит, руку мне,
да поднимемся повыше
по строительным лесам,
может, там ещё подышим
сквозь воронку в небесах?
Здесь морочит нас морошка,
трудной смерти маета,
да серебряная ложка
у разорванного рта.

2019

МЕЛЬНИК

Где мельницы полустанков
мукой по дорогам сорят,
где вывернут наизнанку
овчинный тулуп января,
где полночь бледней и выше,
а облачный жёрнов тяжёл,
где вьюга дымит по крышам,
в распыл отправляя помол,
следов не видеть на белом,
да нас и не ищет пока
тот мельник, что ставит мелом
кресты на дверных косяках.

2019

* * *

Из Москвы — в Мокропсы и Вшеноры,
на отмытый песками погост,
в год глухой двадцать пятый, в который
распрямялась, как в гроб, в полный рост,
в эту даль, в эту боль — будто жало
или гвоздь, заржавевший в доске,
вынимала себя и рожала
в эту жизнь на чужом языке
и дома, и деревья, и сына,
и застывшие губы полей,
что тебе остаётся, Марина,
то и держит на каждой земле —
эта страсть, эта власть, это слово,
словно воды отходят, плывёт
всё неистовой за Крысоловом
прямо в музыку — в море твоё.

2019

* * *

«...в припадке умоисступления бегал по Чердыни
и разыскивал мой расстрелянный труп...»

Анна Ахматова, «Из воспоминаний о Мандельштаме»

Через фильтр Нечерноземья,
по увалам и холмам
тростниковой зыбкой тенью
протекает Мандельштам.
Через частый гребень страха,
сквозь юродство и родство,
сквозь нетленную рубаху
нищевродства своего,
через бучу молочая,
через капища камней,
возгоняя, очищая,
проще, выше и больней,
через уголь и бумагу,
через топкий плёс песка
мчится в Чердынь по оврагам
труп Ахматовой искать.

2019

* * *

Если снег не приходит — приходят последние сроки.
Нет ни в чём белизны — не блестит на верёвке бельё,
поиняли берёзы, в них блёклые спорят сороки,
всё никак не поделят гнездо на «твое» и «мое».

Что за свет не прямой, исподлобья, беспамятно-серый,
налегает всей силой на крыши, моргает совой,
застигает врасплох меж сомнением, страхом и верой,
окунает в бесснежие словно в купель с головой,

отпускает листвать придорожных кустарников святцы,
воробьиным пером наудачу лететь в темноте,
возноситься, и падать, и помнить, что нечем держаться,
разве воздухом строк и дыханием спящих детей.

2018

МУЗЫКА

И плеск воды, и треск цикады,
и роз тяжёлые аркады,
и тёмных кипарисов тени,
и старой лестницы ступени
бледнеют, меркнут, отступают,
несётся пыльная, слепая —
не разобрать! — в лицо листва,
в губах теряются слова,
и вдох всё глубже и вольнее.
Отчётливее и большее
в какой дали? — поди пойми! —
немая музыка гремит
призывом или укоризной
изводит — у неё и вызнай,
её и спрашивай одну,
в какую ширь и глубину,
на пажити какого рая
так безвозвратно забирает,
томит и тянет и поёт
освобождение твоё,
каких отрогов мчится мимо,
где купины неопалимой
встают стога гудящей стаей
и ввысь летят, не улетаая.

2018

БЕРЕСКЛЕТ

Вот и станок другой, и челнок другой,
тки, распуская контуры берегов,
саван самой себе, ты и так в гробу,
прошлое в колыбели качать забудь!

Память — не самый добрый из верных слуг —
снова кладёт дитя в пеленах под плуг,
всю тебя — на жаровню безмужних дней,
вяжет в узлы к хвостам четырёх коней,

в степь выгоняет, и размыкает сеть,
и отпускает сердце твоё лететь
оземь и в осень, в яростный бересклет,
там, где по копьям сосен стекает свет.

2018

ЗАМЫСЕЛ

Тверди, заклятие творя,
что запустело место свято,
осколки ларов и пенатов
белеют в створах алтаря,
давно безмолвствует оракул,
сойдя с привычной колеи,
все приношения твои
служили мороку и мраку,
всё стало прах, всё стало тлен,
пока не вникну, холодея,
какой ты замысел, Медея,
мешаешь с травами в котле.

2018

ВЕЧНЫЙ ЖИД

Край ночного плотного полотна
рассекает искра, числом одна,
пробивает влёт пелену окна,
тлеет на пороге,

гонит жар по жилам, печёт в груди,
лишь завёл глаза — поднимись, иди,
Вечный жид, ты вечен, пока один
и пока в дороге.

Квиринал, Яникул и Палатин,
а за ними — поле перекати,
петли мимо Рима плетут пути,
уводя к востоку.

Стремена ущелий, стремнины рек,
где приклонишь голову, человек,
на ночлег в лесной ли, степной траве
под совиным оком

не тебе отмеренных тысяч лун?
На какой курган, за какой валун
ворон занесёт кости да золу
времени на темя?

На какой невысказанной строфе
в тесном подреберье небесных сфер
прорастёшь в бессмертие, Агасфер,
кочевое семя?

2018

КОЛОКОЛ

Дорожные рытвины карие
обварят бока февралю.
Разбойное тёмное зарево
насквозь просмолило петлю

моей колеи, что накинута
на вздутое горло реки,
причалы с разбухшими спинами,
слепые от слёз ивняки.

Упрётся под челюсть осколками,
прорежется в дёснах песка
не голос, а сорванный колокол,
оставшийся без языка.

2018

ПТИЧЬЯ БИБЛИЯ. ИСХОД

Весь этот дом, весь этот сад
с его Синаем и Фавором
возносят к небу слитным хором
детей синичьи голоса.

Везде струится горный свет
и каждый день клокочет смехом
и щебетаньем под застрехой
в чердачной жаркой синеве.

Здесь звёзды низкие дрожат
над кровлей зимними ночами,
по сонным вскрикам различая
щегла, малиновку, чижа.

И в этот дом, и в этот сад
с прудом — Генисаретским морем
под сводом куц Мамврийских — вскоре
последняя придёт весна.

И дом, и сад уже не вам
в удел, в приданое, в наследство,
не ваше осеняет детство
рябин и яблонь тихий храм.

Малиновка, щегол и чиж,
я с вами, Господи, я с вами!
Вот наши тени над домами,
на скатах черепичных крыш,

последний промельк в пустоте
меж гулких стен Иерихона,
на перекрестиях оконных,
в небесном частом решете.

2018

ПОДОРОЖНАЯ

Обездвижела, обезножела,
обескрылела — не взлететь.
Ни ключом, ни словом острожную
разомкнуть невозможно клеть.

Что подъёмная, подорожная
сила, грамота — всё одно.
От нужды ль, от щедрот положено
лишь одно в пол-листа окно,

в нём овчинного неба занавес,
перечёркнутый снегом свет...
Ни к чему под ним не привязывайся —
ничего твоего здесь нет.

2018

РОВ

Собраться бы с духом и мыслями
в холодном и ровном огне.
Не надо ни слёз, чтобы выстоять,
ни гнева, ни ярости мне,
ни жалости, только не поздно бы
овраг запечатала мгла,
хватило б дыханию воздуха,
тепла бы хватило телам,
хватило бы времени высмотреть
во рву за отвалом песка,
куда за секунду до выстрелов
мне падать с детьми на руках.

2017

* * *

От смежённых век
оснежённых рек
проведи рукой —
кочергой, клюкой —

по сугробам щёк
не в парчу и шёлк,
а в дублёный луб
отвердевших губ,

ткни в колодец рта,
в гулкую гортань,
в стылые ручки
под венцом ключиц,

где знобит порез
о нательный крест,
выпяти вперёд
вереи ворот,

свайные столбы
нежилой избы,
и не верь тому,
что в твоём дому

в рёбрах под стрехой
в тишине глухой
больше не болит
мёрзлый ком земли.

2017

БЕЗДОРОЖЬЕ

Изверившись в ровном и прочном,
брести по камням и стерне,
где частые гребни обочин
под рёбра подхватят тесней,

ветвями возьмутся за плечи,
поднимут, упасть не дадут.
Так легче, так всё-таки легче
врастать, избывая беду,

в своё бездорожье всем телом.
Суровой холстиной степей,
бечёвками троп запустелых
стреноживать сердце, скупей

тоску свою мерить словами,
пока в её мраке горит
едва различимое пламя
и боль выжигает внутри.

2017

ЯБЛОНИ

Дом, который я покину,
птицам отдаёт лесным
стены, а репей и сныть
меж камней вбивает клином.

Сад всё выше зарастает,
растворяется в траве,
поднимается наверх,
погружается всей стаей

в реку млечной тишины,
там, где яблонь сотни сотен.
Свет от них текуч и плотен,
он снопом стоит сплошным

в этом царстве, славе, силе,
зыбкой горней синеве.
Две из них мы посадили
в год рожденья сыновей.

2017

ИМЯ

Заронились зёрна в бурьян-траву,
растворились корни в могильном рву.
Восскорбеть соборне, сидеть шиву
по кому и с кем?

Всех моих камней — пыль, зола и ржа—
по числу колен — мне не удержать.
По какой земле пролегла межа,
где, в каком песке

семена над ней носит суховей?
Кто из них древней, кто из них правей,
голоса моих четырёх кровей
не уймут речей.

В поле меж другими — им нет лица —
затерялось имя, отец отца.
Возношу над ними костёл, дацан,
церковь, семь свечей.

2017

КЛЮЧ

Смычок уходит как весло
на глубину, достав
до дна, и музыка без слов
сбивается с листа,

заплёскивает по глаза
и наполняет вдох
так без остатка, что нельзя
светящейся водой

не хлынуть, не забить ключом
из трещины ключиц —
ни нот, ни знаков. Ни о чём
не спрашивай. Молчи.

2017

БРОД

Меня всё меньше. Илистое дно
на карте не означенного брода
уходит прочь. Я с этим дном — одно,
я — камень, отороченный с испода

лишайником, мешающий везти
увязанную наскоро поклажу,
я — тростниковый берег и настил
неверный через топкий брод, и даже

неровного дыхания пробел
над колесом, увязшим по ступицу.
Но в гиблый омут жалости к себе
не приведи мне, Боже, оступиться.

2017

ИОНА

Горы являются из-под воды,
левиафанами дыбятся камни,
страх перед бездной — слепой поводырь —
силится течь запечатать руками.

Мне ли не знать, что корабль обречён,
твердью небесной и твердью земною
равно отвергнут. Сказать ли, о чём
волны гремят, проходя надо мною?

В сердце пучины, во чреве кита,
в травах подводных, вокруг головы и
горла обвитых, с песками у рта,
в каменных створах твоей Ниневии

будешь скитаться несчётные дни,
пить эту соль, и дышать ей, и слушать
рокот и шёпот о том, что одним
словом из бездны воздвигнется суша.

2017

НЕСВОБОД

Ни в земле, ни на небе нездешний свет
не нашёл меня. В мёрзлых когтях ветвей,
в рыжей шкуре — невылинявшей листве,
на изломе зимы, на сколе

валунов, заложивших мне небосвод,
прорезается скрытое естество.
Как бы я ни пыталась зашить его
в мешковину моей неволи,

где бы ни хоронила — живёт, саднит,
истончает мне ночи, сминает дни,
заполняет на вдохе собой одним,
не пуская во тьме исчезнуть.

То в озноб загоняет, то в семь потов,
тесноту меж грудиной и животом
превращая в сплошной световой поток,
уходящий из бездны в бездну.

2017

ЧЕРТОПОЛОХ

Не оглянусь на гул и грохот,
столпом не стану соляным
в стальных скобах чертополоха,
в насечке ягод белены.

Стопой ни камня не задену,
не отпущу последний взгляд
метаться там, где были стены
мгновение тому назад.

Всё выше дым на месте дома
и купол холода в груди.
Легко, привычно, невесомо
терять, прощаться, уходить.

2016

ВОРОХ ЛИСТЬЕВ

Тянется солнце нитями паутин
через основу стволов и утóк ветвей,
ткацкий станок Пенелопы, руда и синь,
бег челнока в летучей сухой листве.

Мне не связать узлов и не счесть петель,
сотканных за день, распущенных до утра.
Листья в последнем касании ломких тел
дышат всей грудой, холода в грудь набрав,

тают на вдохе в пламени синевы,
пресуществляются в ткань, на которой я —
просто летучий ворох сухой листвы,
ржавчины неба, горечи бытия.

2016

* * *

Не смей заглядывать, не смей
за левое плечо,
там тень теряется во тьме
и время не течёт.

Забудь загадывать, забудь
и в песне, и во сне
свою предсказывать судьбу
чем горше, тем верней.

Позволь себе не ждать, позволь
не звать, не знать. Иди
на яркий свет, минуя боль
мгновенную в груди.

2016

* * *

Я сделала всё, чтоб собой не быть
и сути своей не знать,
но ветер догнавшей меня судьбы
срывает и крест окна,
и камень стены, поднимает дом,
ворочает на плечах,
швыряет дверями, сметает льдом
крыльцо его и очаг,

ввергает в кипящую тьму, туда,
где самый язык иной.
Ни тени, ни отзвука, ни следа,
ни памяти нет земной
о том, как плела за струной струну,
ткала берега свои
так прочно, что стало б на жизнь одну
и мужества, и любви,

так вечно, что петли моих тенёт
срастались за рядом ряд,
но ветер, догнавший меня, дохнёт
огнём — и они сгорят,
не пустят сквозь пламени сноп тугой
назад, где собой не быть.
Не будет ни родины мне другой,
ни имени, ни судьбы.

2016

* * *

И купол пронижет, и своды
неверному свету вдогон
не дух, что взыскует свободы,
но рвущийся в воздух огонь.

Ни облака в вихрь не завертит,
с крестов не стряхнёт вороньё,
отринув обыденность смерти,
не веря в реальность её.

А в доме оставленном тихо
срастётся последняя дверь
и стены сомкнутся, и выход
один лишь останется — вверх.

2016

ПОЛЫНЯ

Мосты наводишь, лепишь пелену
кисельных берегов, на ней — дома,
но стоит оступиться в полыню
десятилетней давности письма —

и без остатка чёрная дыра
тебя вбирает, поглощает свет,
вычерпывает воздух. Умирай
в воронке слов, которым десять лет,

во льдах летейских, в пламени реки,
не ставшей ни свободой, ни судьбой...
Гори за то, что было не с руки
сжигать мосты и письма за собой.

2016

НЕРЕЙ

Речи руслом из устья выносит Нерей,
размыкая сведённые скулы морей,
где под оспины пены прошла немота,
застолбила пустоты под сводами рта

и в свивальник сетей заплела плавники
всех языков — двенадцать в небе реки
отразились на миг, оттолкнулись легко,
сотней тысяч ключей раскололись, глотков

океаном таким раскатились, что вспять
эти бездны уже не погнать, не поднять
ни веслом, ни трезубцем, ни пляской коней
Посейдоновых в громе разъятой волне.

Прорицание брошено камнем на дно,
где сливаются сонмы обличий в одно,
где из невода слов ускользает Нерей,
там ищу я по гротам подводных царей

меж медуз, корабельных снастей, клубуков
осьминогов и мрамора битых богов
промелькнувшую тень, Ариаднину нить,
на себя нанизавшую чётками дни

и недели под медным кимвалом светил,
петли петель путей без руля и ветрил,
где, скитаясь по взрытым ветрами полям,
по губам берегов прочитаю «Земля!»

2016

* * *

В день седьмой беззвучно от востока
до заката дрогнуло стекло
купола надземного. Глубокой
трещиной расколот небосклон.

Мир не вымер, и, не став короче,
тени не поднялись на дыбы.
Заливает вязкий сумрак ночи
то, чему назначено не быть.

Склеенный от запада к восходу,
дном наружу там, где был зенит,
свод небес удерживает воду
и проводит свет. Но не звенит.

2016

* * *

Сна себе хотела? Платья
шила дочери, ждала
двойню сыновей? Проклятья
не избыть ни у стола,

ни на ложе. Отягчает
рок библейскому под стать
злобу дней. Обет молчанья
и бессрочного поста

не держать, не петь осанну
в царствах мраморов и глин,
не гостить в обетованных
землях лилией долин.

Не к долинам льни — в глубины,
в гул обвалов, в переплёт
междукнижий, в голубиный
талый воздух, свет, полёт.

2016

ВОСК

Нет, не мёдом — светом истекают
соты. Подступает темнота,
наполняет немота такая
воском опустевший улей рта,

что и губ уже не распечатать,
и земля незримо залегла
по углам. Так навсегда молчат, ни
слово не сорвётся, ни пчела

не слетит. Ни складки не нарушит,
выдохом не замутит стекла
их покой последний, словно душу
выплеснули. Светом истекла.

2016

ЛИЯ-РАХИЛЬ

В безвременье замри, Иаков,
без снов о Боге и борьбе,
пока склубится свет из мрака
и станет лестницей тебе.

Не в этом ночь дробящем свете,
вне славы и лучей его
безмолвствую — и молний плети
замечу только оттого,

что наконец-то перестану
ответа ждать в недвижной мгле,
какой из дочерей Лавана
была тебе я на земле.

2016

ПРИГОВОР

Жги гортань, глотай отраву,
но ни слова никому.
Дней порожние составы
упираются во тьму,

рассыпаются на стыках
прежде прочные пути,
на живую шитый лыком,
прогибается настил,

ходуном идёт, и ведом
без суда мне приговор,
он двойным слепящим следом
режет улицу и двор,

птиц крестами в небе выткан,
каждым звуком в грудь гудит:
полно, разве это пытка?
То ли будет впереди!

2015

* * *

Колосьев тучных семь, и семь коров
откормленных — и словно в львиный ров,
я вновь схожу во тьму бесплотной тенью,
заговорённой от когтей, клыков,
и памяти палящих языков,
и медленного яда сожалений.

От наваждений в сумрачном лесу
ни мужество, ни мудрость не спасут,
в пути не будет ни воды, ни хлеба.
Но всё слышней неведомая суть
звонит внутри, и держит на весу
вся сила синевы иного неба.

2015

ЩЕБЕНЬ

Дробясь, на грохот падает дорога,
песком и щебнем оседают дни.
Во мгле белеют плиты у порога,
теснятся тени на изнанке ночи,
свободные от смертных оболочек,
и вздрагивают редкие огни.

И я как тень сижу на перекрёстке,
не вглядываясь, что там впереди,
перебираю камни дней в извёстке,
слюде и глине. Вот и закоптелый
на сколе, где душа рассталась с телом.
И жду тебя. И медлю уходить.

2015

СЛОВО

Погасло. Отболело. Отошло
в неназванные области былого,
утратило убийственную суть,
звучание стрелы и власть стрелой
дыхание прервать. Истлело слово,
навылет пробивающее грудь,

ни шрама, ни следа. Но не вольна я
извлечь его из памяти. Застыло
и словно ждёт неведомого дня,
в безмолвии своём суровом зная,
что обретёт значение, и силу,
и голос, чтобы вновь убить меня.

2015

ПОЛОВОДЬЕ

День настанет — не станет слов,
словно прочный привычный лёд
и своих, и чужих стихов,
поднимаясь, река сорвёт.

Половодье сомнёт мосты,
срежет лодки у переправ,
неба грозную синь и стынь
по немым полям разогнав.

Размывая все берега —
больше нечего им беречь —
растворяет в себе река,
по словам разнимая, речь.

Оттого ли, что слово лжёт,
сотни смыслов на дне храня,
оттого ли, что слово жжёт,
и безжалостней нет огня.

2015

* * *

Так улитка оставляет следы
на изнанке виноградного дня,
так, ветвясь, проходят плети огня
сквозь небесные отары воды,

так лисята копошатся в норе
и ползут, ещё слепые, на свет,
так не ведают о вешней листве
тополя в заиндевелой коре,

так и вереск начинает цвести
по полям, где бушевало былё,
так и путь твой через сердце моё —
не назвать, не предсказать, не постичь.

2015

ПОЛЫНЬ

Так высоко, спокойно, строго
идут по небу облака.
Назад ни облакам дороги,
ни белым по земле полкам.

С начала смуты в год четвёртый
истает не вечерний свет,
взойдёт слепое солнце мёртвых
светить стране, которой нет.

Там будут баржи да понтоны,
да наспех вырытые рвы
в потёках извести гашёной,
а тот, кто мнит себя живым,

бредёт, неисцелимо ранен,
в суровой немоте пустынь,
и добровольного изгнанья
за ним смыкается полынь.

2013

ЯБЛОЧНЫЙ СПАС

Свет августа. Мелькание ладоней
над яркой полосой несжатой ржи,
а небо всё синее и бездонней
на паутине выцветшей дрожит.

Подсохшей веткой переломит лето
Господень Спас. По всем церквам кадят
плодам земли, и яблоком нагретым
забросит кто-то за межу закат,

на серп литого месяца наколет,
заточенный для жатвенных работ...
Сквозной туман затягивает поле,
где позднее прозрение взойдёт,

ржаным снопом на голову обрушив
простую веру в то, что смерти нет.
В пустых полях затерянную душу
затопит до краёв Фаворский свет.

2013

* * *

Нет ни имён во снах, ни сроков,
ни лиц родных, ни голосов,
один лишь Млечный путь высоко
над тёмным пламенем лесов

течёт в несбывшуюся осень.
Там пепелище поросло
полыню, там на ветер бросить
золу непроизвучавших слов

могла бы — тенью полетела,
но не отмерен мне покой
меж дном земли заледенелой
и неба медленной рекой.

Не след петлять по бездорожью,
в объезд, в облёт и по прямой,
во сне ли, в яви — невозможно
вернуться. Нет пути домой,

где сверху свет прямой и грозный
ветвей раздроблен решетом,
где над крестами стынет воздух
пространств, разомкнутых в ничто.

2013

МЕДОСБОР

Всё медленней песок, всё протяжённей время,
меж пальцев уходя, течёт земная ось.
В неназванном саду, в дояблочном эдеме
цветёт по кромке сна кустарник-медонос.

Так долог летний день, что воздух неподвижен
и не проводит к нам ни смыслов, ни словес,
не преломляет свет... Пусть я тебя не вижу,
но жар смежённых век свидетельствует — здесь.

Скрепляет своды воск. В мерцании пчелином
слетаются миры в ячейки хрупких тел,
на облака пыльцы, на зов несмятой глины,
минуя налегке неведомый предел.

И кажется, что там, где полдень не зависит
от поясов, часов, вращений и орбит,
ручью в скобах ключиц меж дном земли и высью
никак нельзя болеть. И всё-таки — болит.

2012

* * *

Час назван. Близится. Отсрочен.
Назначен вновь. Спешит пройти
и вспыхнуть ярче и короче.
Чадит листва последней ночи,
цепляясь сучьями обочин,
во тьму врастают все пути,

и новые не стоят прежних.
Куда бы ни брести в бреду
бессонном — так везде изъезжен
убитый грунт, что прочно держит
вне тайных троп лесных. Всё реже,
всё глуше эхо «не приду!»

Душа моя, чего ты ищешь
так пристально в углях утрат,
каких следов на пепелище,
где лес под пахоту расчищен,
а спутанные корневища
в пустотах памяти горят.

2012

МУХИ В ЯНТАРЕ

Не спрашивай, нельзя знать, какой мне,
какой тебе конец предписан, Левконоя...

Гораций, «Оды»

Не спрашивай, что будет, Левконоя, —
ответа нет. Смотри — тебе и мне
янтарной нитью невесомых дней
прядётся лето на веретене —
лилейное, лещинное, льняное.

На ткацкий стан легко ложится вся
светящаяся пряжа, из которой
плетутся и гранатовые створы,
и зёрна, что в ладонях греет Кора,
до приоткрытых губ не донося.

Нас до тех пор подземный тяжкий гнев
Аида не настигнет, Левконоя,
пока в груди струится терпким зноем
бессмертия предчувствие хмельное,
безумия вакхический напев,
любви неудержимое дыханье...

...Кому и где таким же летним днём
остывший мир, в котором мы замрём,
сверкнёт в летейских водах янтарём,
томительной смолой воспоминаний?

2012

СВЯТО МЕСТО

Весь этот город, он давно не твой,
фасада фальшь и ветошь декораций.
А в настоящий город не добраться,
искрящий в коромыслах кольцевой,
вибрирующий голосами, светом,
гоняющий по яркой сетке веток
своей подземки солнечный прибор.

Весь этот город — тот, что был твоим —
не выгнет куполами поднебесье.
Он так составлен — из тончайшей взвеси
имён по старым книжкам записным, —
что, словно Китеж-град, неосязаем
в тех палестинах, где с холмов сползает
вторая Византия, третий Рим.

Весь этот город выцвел и остыл,
но свято место не бывает пусто.
Горчит речитатив сорокоуста,
роняя поминальные листы
по стогам всех пределов и наречий,
твердит тебе о том, что «время лечит»,
и расставляет на полях кресты.

2012

* * *

*Памяти Лидии Чуковской (1907–1996)
и Матвея Бронштейна (1906–1938)*

Был год столетия дуэли.
Где «Пять углов» трамвайной трелью
на перспективе акварельной
обведены, там в суете
курортной, дачной и вокзальной
слова прощанья и печали
остались. Мы их не сказали,
к последней подойдя черте.

Тот год — о брате ли, о сыне
взывать ли, выть в бесслёзной стыни,
молчать ли — штык примкнув, откинёт
цепочку, загремит замком.
А там, как только морок схлынет,
ищи тропу во снах полынных,
сливайся с улицей пустынной,
двором, проулком, тупиком.

Был год великого помола.
В амбарах пухли протоколы.
Там ржавой скрепкой лист подколот,
где, не похожа на твою,

вся в пятнах — соль ли? кровь ли? окись? —
корявыми корнями в пропасть
дрожащая съезжает подпись,
не удержавшись на краю.

2012

ПОЛНОТА НЕБЫТИЯ

Рисунок на пергаменте песка —
развёрнутая сеть небесной сферы,
и ловятся века в неё, пока,
смыкая строй, идут легионеры.

Пятная солнце лёгкой пеной нот,
по всем пюпитрам венских крыш развеян,
струится день, и в нём не отдаёт
последним миндалём глоток рейнвейна.

Завьётся прочь по целине листа
позёмка, на полях — параф летучий,
сугробом — свет... Бог весть ещё, когда
утопчет снег лейб-гвардии поручик.

Объеденным пеньком карандаша
завязнув на обёрточных оклочьях,
с осклизлых нар срывается душа
кого, мой век? Глухая тьма. Ни строчки.

2012

* * *

Ответь, Улисс, когда мы отплывём
с конца земли, где догорает Троя?
Спрямяя петли моря кораблём, —
его, конечно, заново построим, —
закрыв глаза всем статуям богов
от семивратных Фив до дельты Нила...

Уже распахан чернозём небес,
и лемех циклопического плуга
проводит завершающий надрез,
дымясь и содрогаясь от натуги,
на млечной полосе ночных лугов,
где звёзд извёстка в борозде застыла...

...Забудь часов литую чешую
и душный сноп полуденного света
в иные времена в ином краю
на темени ржаном полей прогретых...
...Ломая очертанья берегов,
нас выбросит из звёздного творила

развязная назойливость звонка,
застрявшего в пространстве законном.
В иных мирах уже прошли века,
воздвиглись и упали вавилоны,
а здесь, в охвате меловых кругов
томится солнце, расточая силу —

слепую ярость медного быка —
на клинопись иголки патефонной,
одушевляя пряжку ремешка
твоих часов и пробку от флакона
гранёного, в котором нет духов...

Ответь же мне, Улисс, что с нами было?

2012

ОДИН ДЕНЬ АВГУСТА

Среди речей речное дно
невидимо — скорей, угадано.
Там стрекоза яремной впадины
наполнит шорохом ладонь.

Задрёт и время в камышах,
твоей рукой с уключин снятое,
и плеск дневных забот в кильватере
задрёт, под лодкой прошуршав.

Две радужки земных часов
на ярком свете словно выцвели,
под ними в глубине немислимой
прозрачной тенью ходит сом.

За долгий летний день легки,
губами наизусть изучены
длинноты, полости, излучины,
и шёлк, и светотень реки.

Вбирая берега глотком,
забыть про все причалы начисто
и в солнечной воронке августа
осесть просеянным песком.

2012

МИР ПОСЛЕ ПОТОПА

Всё было — бред безумия и бег
огня небес по рёбрам перекрытий,
и путаница вёсел, рук и рек,
ещё не согласившихся, как плыть им...

В том месте, где потоки вод ушли
и вычерпана течь речей до слова,
пронижет дрожь в предчувствии земли,
которая — наверно — будет новой.

И там, где небо перевито хной
и басмой небывалого восхода,
немотствовать, как некий новый Ной,
иному звуку отворяя воды.

Пух голубиный, скомканный в горсти,
пустить с какой-то новой колокольни
и вспоминать, куда теперь грести
и как дышать, когда уже не больно?

2012

ТРИСТА СПОСОБОВ ДЫШАТЬ

Искать следы, дыхание стихов,
их узнавать по вихрю лепестков
под розовым зонтом японской сливы,
по лишаям на взлобье валунов,
по грохоту сомкнувшихся валов
над косо вставшим парусом расшивы,

по резкой зимней графике ветров,
по сизым сигаретам вечеров,
где все ещё смешливы, здоровы, живы,
где прямо в ночь мироточит окно,
где автобанов оптоволоконно —
подлунный пульс — течёт без перерыва...

От золотых таврических ворот
неназванный Никто опять плывёт
на поиск объективного мерила.
Уравновесив пригоршнями слов,
качнёт весы, но весь дневной улов
прибоем изначальных смыслов смыло.

И там, где ключик совпадает с дверцей,
ещё чуть-чуть — и горлом хлынет сердце,
звеня, на дно небесного Ковша —

не пить, не оперить, не опереться!
Замкнуть и знать: не соль, не цель, не средство,
а просто триста способов дышать.

2012

АТТИЧЕСКАЯ КЕРАМИКА

Овечий сыр, вино, маслины, мёд
на жёстком ложе в обечайках пенных...
Отсюда начинают свой отсчёт
сквозные перекрёстки Ойкумены.

Гудящего приборя полотно
растянуто на кроснах кипарисов,
разлётом лирным, каждую струной
«с тобой, пока ты вечен и неистов...»¹

Карминно-чёрный пляшущий мотив
керамики... Всё остальное бренно:
тускнеющая патина олив,
искрящиеся струи Гиппокрены

падут в отвал вселенского раскопа,
где колеснице солнца — до ступиц
песок и пепел. Пеплос Каллиопы.
Застывший гипс гомеровых глазниц.

Драконьи зубы пущены в посев,
и проросли воинственной медью,
в ободьях покосившихся просев,
затих тимпан аттических трагедий.

¹ Джон Китс, «Ода греческой вазе», 1819, пер. с англ. О. Чухонцева.

Распев рапсодов — амфоры веков —
расколоты на сонмы сотов млечных,
на мириады звёздных черепков, —
и в небо опрокинуты. Навечно.

2012

КЕРОСИНОВАЯ ЛАМПА

Вот вечера льняное полотно,
глоток вина, ладонями согретый,
и на террасе деревянной — лета
и сумерек томящий полутон.

Сквозь заросли небесных островов
протянуты косые плети света.
Тускнеет солнца медная монета,
ребром уходит в прорезь меж миров.

Здесь льётся воздух и не весит вздох,
речей течение — вдоль и мимо смерти,
мышей летучих маленькие черти
свой суматошный чертят перепорх.

Иссякнет слов неспешный переброс
и в сумеречной патоке завязнет.
Вот бабочка ночная на запястье,
вот строгий звукоряд чуть слышных звёзд.

Раздвинут свод небесных витражей,
под ними — пламя, хрупкое растение,
и жизни одержимое биенье
за стёклами незримых рубежей.

Твой взгляд — и нас над ночью вознесло...
Глоток — и кровь лозы, и ток по венам —
за лампы свет — последний свет Вселенной,
и жар — её последнее тепло.

2012

* * *

Не будет, не будет нам звёзд и черёмух...
За рёвом моторов не слышно расстрелов.
По всей по Великой, и Малой, и Белой
зверями пустыни наполнятся домы...

А нам, конквиста́дорам — панцирь железный,
и львиные рвы, и терновник смятенья.
Пойдем мы долиною смертных тени,
следуя отражения в небе беззвёздном...

Мы помним, сверяя извилины судеб
и пряча в ладони тепло сердолика —
кладбищенских маков, земной земляники
в покое погоста не будет, не будет...

Услышим «за вечным за мельничным шумом» —
Сподобят! — благие рассветные вести...
Немногое чёрт догадал бы прочесть нам
по олову глаз конвоиров угрюмых.

И там, где страны под собою не чуем,
шепнул бы какой серафим шестикрылый:
не будет на этой земле нам могилы —
с рожденья наследуем область иную...

В тех горних селеньях нам Слово — ходатай,
но путь туда лёг сквозь стигийские воды,
где, буднично сверив приходы-расходы,
ударят, не глядя, в затылок лопатой.

2012

ОТСТУПЛЕНИЕ

*Ite, missia est*¹

Сквозь гул и дымные разрывы
по контурам чужих теней
уйдём туда, где вроде живы —
где в списках числимся, верней.

Где осыпаются за нами
мосты, иной рельеф края,
где оплывают пламенами
пространств бумажные края.

Где крики, выпитые высью,
дробясь, обвалятся во тьму,
где ворох подцензурных писем,
уже ненужных никому.

Где мир разъят на половины,
и тектонический разлом,
земную твердь куда-то сдвинув,
на ней затянется узлом.

Где ничего уже не будет,
нет знамени — и нет полка.
разрез по линии двух судеб
кровит в постромках вещмешка.

2012

¹ *Ite, missia est (лат.) — идите, все кончено.*

НИОБА ПЛАЧУЩАЯ

На семерых стирай, готовь, корми
мальчишек оголтелую ораву.
сквозь яркий свет просеянные дни...
Здоровы? Сыты? Слава Богу... Слава...

Из дома сдуло всех по одному
самумом злым магниток да турксибов.
порадуешься редкому письму:
умны! красивы! Господи, спасибо!

Родные лица — ворохом... Держи!
пока видны — замкни, захлопни ставни!
так тихо-тихо облетает жизнь
листвою жухлой фотографий давних.

Как претворилась плоть твоя и кровь
непостижимой цепью превращений
в печать слепую справок, ордеров
арестных, похоронных извещений.

Во снах — и там нет места уголку,
где б за одним столом могли собраться
размолотые в костную муку
на жерновах всех —измов, —акций, —заций...

Ловить наощупь рвущуюся нить,
привычно пустоту жуя губами.
забыли боги в камень обратить,
но время милосердно стёрло память.

И, утирая влагу из-под век,
глазами разбирать полуслепыми:
«... В земле той — Уц — был некий человек,
и было — Иов — человеку имя...»

2012

МЕДЕЯ

Вот место на виске — для поцелуя...
В Колхиде жёны знают ворожбу
любовную... Руками разгребу я
на жертвеннике старую золу...

Вот место на груди — рази мечом
туда, где утром засыпал устало.
Одно лишь знала — ты мне наречён
самой Гекатой. Я тебя — не знала.

Вот место на коленях — для детей,
родить которых не судили боги.
Не нашим вёслам пенные дороги
в оплёте Посейдоновых сетей.

Вот место за щекой — для двух монет.
И ждут последней лодки отрешённо
две тени тех, что были страсть и свет...
Осталась тьма. И плеск весла Харона.

2012

ПУСТОТА

Я говорю с тобой всегда.
Беззвучно. Не пуская взглядом
уйти туда, где мы не рядом,
где Леты тёмная вода.

Я говорю с тобою, тем,
тогдашним, чьё лицо размыто,
и трассами телепатем
пространство между нами сшито.

Я говорю с тобою там,
где нет ни дел, ни дней недели,
и где в пределах асфodelей
не весит весь житейский хлам.

Я говорю с тобою — та,
твоя, одна — сейчас и прежде,
и застывает пустота
в такой отчётливой надежде,

что даст вот-вот системный сбой
дурацкий пазл «пространство-время»,
где я не та, не там, не с теми,
пока я говорю с тобой.

2012

СОДЕРЖАНИЕ

Строевой расчёт.....	5
Перепрошивка	6
Пузыри	8
Зеркальце	10
Поминание	12
Благовест	13
Свидетель	14
Прививка на корень	15
Штрихпунктир.....	17
Особенности почерка.....	19
Звонок другу.....	20
Тамбовщина.....	22
Железнодорожные жалобы	23
Ткачество	25
Игра со спичками.....	27
Последняя на Потьму	28
Високосный	29
Пещное действо	30
Голубятня.....	31
«А дальше ехать было некуда...»	32
«Что за лестница крутая...»	33
Мельник.....	34
«Из Москвы — в Мокропсы и Вшеноры...»	35
«Через фильтр Нечерноземья...»	36
«Если снег не приходит — приходят последние сроки...»	37

Музыка.....	38
Бересклет.....	39
Замысел.....	40
Вечный Жид.....	41
Колокол.....	42
Птичья Библия. Исход.....	43
Подорожная.....	45
Ров.....	46
«От смежённых век...».....	47
Бездорожье.....	49
Яблони.....	50
Имя.....	51
Ключ.....	52
Брод.....	53
Иона.....	54
Несвобод.....	55
Чертополох.....	56
Ворох листьев.....	57
«Не смей заглядывать, не смей...».....	58
«Я сделала всё, чтоб собой не быть...».....	59
«И купол пронижет, и своды...».....	60
Полынья.....	61
Нерей.....	62
«В день седьмой беззвучно от востока...».....	64
«Сна себе хотела? Платья...».....	65
Воск.....	66
Лия-Рахиль.....	67
Приговор.....	68
«Колосьев тучных семь, и семь коров...».....	69
Щебень.....	70
Слово.....	71

Половодье.....	72
«Так улитка оставляет следы...».....	73
Полынь.....	74
Яблочный Спас.....	75
«Нет ни имён во снах, ни сроков...».....	76
Медосбор.....	77
«Час назван. Близится. Отсрочен...».....	78
Мухи в янтаре.....	79
Свято место.....	80
«Был год столетия дуэли...».....	81
Полнота небытия.....	83
«Ответь, Улисс, когда мы отплывём...».....	84
Один день августа.....	86
Мир после потопа.....	87
Триста способов дышать.....	88
Аттическая керамика.....	90
Керосиновая лампа.....	92
«Не будет, не будет нам звезд и черёмух...».....	94
Отступление.....	96
Ниоба плачущая.....	97
Медея.....	99
Пустота.....	100

Літературно-художнє видання
СЕРІЯ «Бібліотека “Крещатика”»
Заснована у 2023 році

Анна Германова
ОСОБЕННОСТИ
ПОЧЕРКА
(російською мовою)

Макет обкладинки і верстка Друкарський двір Олега Федорова
Формат 60x84 1/16. Наклад 150 прим. Зам. №5732
Папір 80 офсет. Друк цифровий. Ум. друк. арк. 6,5
Гарнітура «Arial Narrow».
Підписано до друку 28.01.2024 р.

Видавець Федоров О. М.,
«Друкарський двір Олега Федорова»
Адреса: а/я 24, Київ-205, 04205, Україна,
е-mail: relaks-oleg@ukr.net
Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців,
виготовлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції
серія ДК № 3668 від 14.01.2010 р.

Віддруковано в друкарні ТОВ «7БЦ»
Адреса: 07400, Київська обл., м. Бровари, б-р Незалежності, 2/148
Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців,
виготовлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції
серія ДК № 5329 від 11.04.2017 р.

АННА GERMAHOBA родилась в 1972 году. Окончила Энергетический Институт, в течение десяти лет работала инженером в области энергосберегающих технологий. В 2008 г. эмигрировала в Германию, получила немецкое гражданство, сейчас живёт недалеко от Франкфурта-на-Майне. Обладатель литературной премии имени Майи Шварцман. Автор трёх поэтических сборников.

**ДРУКАРСЬКИЙ ДВІР
ОЛЕГА ФЕДОРОВА**

